

Есаулов И. А. (2015). *Постсоветские мифологии: структуры повседневности*. М.: Академика.

NATALIA ARSENTIEVA, *University of Granada*
ars_nat@hotmail.com

В июне 2016 года в редакцию поступила книга И. Есаулова *Постсоветские мифологии: структуры повседневности* для рецензирования и последующего обсуждения на страницах нашего журнала.

Прежде всего о жанре книги. Это не научный трактат, не исследовательская работа очеркового характера, а литературное произведение. Прав тот читатель, который усмотрел в монографии Ивана Есаулова самую оригинальную книгу «и по формату, и по содержанию», вышедшую в последнее время. Жанр, к которому она принадлежит, действительно, встречается редко, но зародился он еще в литературе Древнего Египта классического фараоновского периода. Через него египетские писцы в стремлении к истине выражали своё мнение об истории и современности, чутко реагируя на политические интриги и злоупотребления властью правящих верхов и их растущее влияние на общественное мнение. Прецеденты монологического («Речение Ипувера»), и диалогического характера (поучительные тексты посланий «себайт»), а также пророческая литература («Оракул агнца») положили начало позднеантичному жанру эпистол, которые в европейской литературе были трансформированы в новеллистическую сатирическую форму, позволявшую авторам отстаивать в полемическом и отчасти пророческом духе свои политические идеалы, этические и моральные ценности. К данной жанровой традиции относятся, к примеру, «Персидские письма» Шарля Монтескье, от которых всего один шаг до публицистики Николая Гоголя. Можно с уверенностью утверждать, что книга *Постсоветские мифологии* создана в гоголевских традициях *Выбранных мест из переписки с друзьями*. Они близки даже по композиции. В основе книги И. Есаулова лежат заметки, выстроенные в соответствии с логикой художественного замысла, отобранные автором из корпуса дискурсов, размещенных на его блоге с 1 января 2012 года и обращенных к реальным лицам, друзьям или литературным недругам писателя. Как и у Гоголя, книга разделена на небольшие главки с экспрессивными и символически емкими заголовками.

С *Выбранными местами* книгу И. Есаулова роднит полемический пафос, познавательная и дидактическая направленность сатирического дискурса. В своих размышлениях автор неоднократно отталкивается от мыслей Гоголя, прибегая, как в главках «Гоголь прав, но...», «Пасхальность России» к интертексту. Поэтому в книге *Постсоветские мифологии* следует видеть художественное произведение, созданное в соответствии с его жанровой природой как одну из разновидностей эпистолярной формы. И задача рецензента, следовательно, будет заключаться в раскрытии ее содержания и кратком анализе художественных особенностей в рамках той литературной традиции, которую она представляет, и для которой характерна двойственность замысла: сочетание гражданской и нравственной позиции писателя с агиографией, идеализированным образом автора.

Рассмотрим, что является здесь предметом авторских размышлений. В точном

соответствии с канонами избранного им литературного жанра, И. Есаулов ставит своей задачей сказать слово правды о положении вещей в стране, где он родился и вырос, повествуя о переходном периоде ее истории, об ужасающих жертвах войны 1914 года, о социальных бедствиях, обрушившихся на Россию, в годы революции, гражданской войны и коллективизации, о последствиях отечественной войны, о реалиях постсоветской действительности, духовном кризисе русской интеллигенции.

Обращаясь к самым живым, современным, национальным вопросам в России, автор уделяет большое место анализу ее недавнего исторического прошлого. В книге дана характеристика идеологической борьбы 90-2000-х годов и определены проблемы, решение которых стало с точки зрения автора насущной потребностью общества. Подводя итог «перестройки», И. Есаулов отрицает необходимость «второй революции» для восстановления в России капиталистических отношений, и более того, считает сложившееся на Западе представление о перестройке как переходе России от политической и экономической системы социализма и советского образа жизни к капитализму и демократии мифом. Главным злом современной русской жизни являются, по его убеждению, пережитки большевизма и возрождение социал-демократии как политической силы, не имеющей иных целей помимо воли к власти, путем стратегии создания коллективного «культурного бессознательного» среди широких народных масс. Свободный от цензуры, автор резко выражает свое неприязненное отношение к постсоветской элите, поддерживающей идеалы социал-демократов, упрекая журналистов, авторов радио- и телепрограмм, литераторов за попытки исторически оправдать ленинизм, и сталинизм.

Объектом полемики выступит в книге и современный большевизм в области национальной политики. Многолетний отказ в праве на национальную гордость привел, по мнению И. Есаулова, к девальвации понятия русского народа, к его интернационализации в ущерб национальным интересам. Поэтому он полемически заостряя проблему, принципиально не называет Российскую Федерацию, как административно-политическую единицу, Россией. Напротив, он с симпатией относится к всплеску украинского национализма, к народности «майдана». Особое место в книге занимает вопрос присоединения Крыма к России, который автор считает оправданным как восстановление исторической справедливости по отношению к русскому народу, отвоевавшему Крым, входивший в состав Киевской Руси, у Османской империи, расширившей свои пределы за счет византийских и южнорусских земель.

Глубокое возмущение И. Есаулова вызывают также большевистские методы руководства проведением современной культурной и образовательных реформ в историческом освещении. Центральное место в книге занимает проблема перерождения русского человека в советского, чему способствовало, по мысли автора, изменение культурной среды: прежде всего внедрение атеистической и коммунистической идеологии путем устранения насильственными методами религиозной топонимии, названий городских улиц и кварталов, реакцией на которую в настоящее время является стихийное разрушение памятников Ленину и «пламенным революционерам» в ряде регионов страны. В меньшей степени беспокоит автора изменение культурной политики в отношении православной церкви, противодействие ряда средств массовой информации процессу постепенного возрождения религиозного сознания в России,

начавшемуся незадолго до «перестройки». Он также протестует против замены русской классики в школьных и вузовских программах на произведения переходной эпохи, не свободные от грубого натурализма и нецензурного языка, непригодного, по мнению И. Есаулова, для воспитания высоких чувств и побуждений.

Перейдем к рассмотрению литературных приемов, к которым прибегает И. Есаулов с целью утверждения своих мыслей и идеалов. Как и у Гоголя, главы книги размещены в строгой последовательности, создавая эффект постепенного вхождения читателя в круг волнующих автора социально-политических проблем. Все риторические приемы произведения нацелены на то, чтобы у читателя создалось впечатление об истинности авторских суждений об истории, настоящем и будущем России. Для этого он вплетает в канву своих рассуждений имена авторитетных историков (Карамзин), филологов (Бахтин) или философов (Лосев). Как полемический и сатирический дискурс, книга написана простым языком, понятным любому читателю, но изобилует парадоксами, неологизмами, каскадом неожиданных, но ярких образов и определений, влияющих на читательское восприятие, вызывая эстетическое наслаждение у тех, кто разделяет точку зрения Есаулова на природу вещей, и закономерно недоброжелательное отношение у противной стороны.

Обладающая несомненными художественными достоинствами, по литературному уровню не уступая известным образцам русской публицистики, книга И. Есаулова не может остаться свободной от критики, в частности, из-за одностороннего субъективного взгляда на исторический процесс, уверенность автора в том, что он один знает дух современной ему постсоветской действительности и прозревает его мистическую подоснову. Но можно ли рассматривать мир, не видя его многообразия и изменчивости лишь в черно-белом ракурсе? Оставив за историкам право суждений по затронутым в первой части книги «Форматирование постсоветского дискурса» социально-политическим проблемам, заметим, что в своих суждениях о русской литературе и современном литературоведении во второй части книги «Аксиология русской культуры», автор также далек от объективности. Схематичной и поверхностной выглядит попытка автора в кратком очерке дать обзор ведущим течениям русской мировой литературы начала XX века без веского справочного аппарата и библиографии на других языках, ограничиваясь ссылками на отдельные советские энциклопедические издания и публикации. Мы не можем согласиться с суждениями И. Есаулова об истории древнерусской литературы, которой отказано в наличии таких важных этапов в становлении художественного метода как национальное Возрождение и барокко. Односторонней нам представляется и оценка им роли романтизма и авангардного искусства, которое сводится к футуризму и конструктивизму, объявленному «предельно безответственным» виновником наступления тоталитарных режимов. Подобный перевод художественной критики в идеологическую плоскость в конце 20-х гг. стоил, к слову, свободы и разлуки с родиной многим авангардистам. Тем более неприемлемы абсолютно ненаучное определение авангарда как культуры «маргиналов, не выдержавших традиционный тест на одаренность» (с. 432), и его искусственное отделение от почвы. Хочется задать вопрос: а как же Кандинский, Дали, Макс Эрнст, Пикассо, в творчестве которых критика того времени видела не столько новаторство, сколько логическое завершение эстетики прошлого? Не говоря уже о зарубежном,

русский авангард явление неизмеримо более сложное, чем это представляется автору очерков, возникшее не только в противовес традиции, но и на национальной почве, взять хотя бы стилизацию народного искусства Филонова, «заговорную» поэтику Хлебникова или «библейский цикл» Есенина, его чисто сюрреалистические «Кобыльи корабли». В русском авангарде следует видеть не «демонизм», а проявление эстетического закона, неподвластного никакому идеологическому диктату, свидетельство «всемирной отзывчивости» русской литературы и ее национального своеобразия в рамках освоения творческих принципов доисторического искусства, добиблейских его архетипов, а также фольклорных традиций после многовековой рецепции византийской и, позже, античной риторики.

С другой стороны, совершенно справедливо, по нашему мнению, вызывает возражение И. Есаулова бытующая в современной литературной критике тенденциозная оценка русских писателей на основании той или иной степени их воцерковленности. Действительно, русская литература, которую принято называть классической, последовательно отстаивая принципы гуманизма, далеко не во всем совпадала с церковной догматикой и политикой, и истоки ее не только во вдохновенной проповеди митрополита Иллариона, но и в языческой древности, в «преданьях старины глубокой». На всем протяжении своей истории русская словесность неоднократно вступала в конфликт с духовными властями, достаточно вспомнить ее «фольклоризм» и антиклерикализм, двоякую позицию в периоды внутрицерковных расколов, запрет духовной цензуры на публикацию *Выбранных мест*, анафему Льву Толстому. Литературная рецепция христианства и православия в русской культуре развивалась по законам художественного творчества и эволюции религиозно-философского мышления, а не по принципу ее адекватности или неадекватности официальной православной доктрине. Однако именно этот критерий активно внедряется в литературоведение и культурологию постсоветского периода, начиная с известной книги М. Дунаева *Православие и русская литература* (1997), подвергающей заущанию и ostrакизму большинство русских писателей за отступление от церковных догматов вполне в духе советской «охоты на ведьм». Критику автором *Постсоветских мифологий* сочинений М. Дунаева о русской литературе в главе «О Сцилле либерального прогрессизма и Харибде догматического начетничества» можно только приветствовать.

Полемический дискурс автора, безусловно держащий руку на пульсе времени, к сожалению часто отходит от традиций христианской публицистики, будучи несвободен от советской риторики с ее гностическим рвением найти, обличить и обезвредить врага. В свое время *Выбранные места* Гоголя сочли произведением писателя, у которого «от избытка сердца уста глаголют». Иван Есаулов как писатель не менее страстный полемист. Однако в отличие от Гоголя в своем гротеске он пренебрегает этическими нормами. Все адресаты обозначенные в художественном и публицистическом тексте, у русских писателей, как правило, были зашифрованы. В рецензируемой книге они открыто выставлены напоказ, видимо по принципу гласности. Призвание литератора Гоголь видел в служении искусству, которое «вносит в души мира высшую примиряющую истину, а не вражду, любовь к человеку». Книга *Постсоветские мифологии* проникнута ожесточением и ненавистью к тем, кто по мысли автора является виновником всех бед, постигших Россию. Там, где автору

недостает аргументации в осмыслении тех или иных тенденций в жизни общества, имеет место переход на личности оппонентов, эстетическая агрессия, логика сменяется иррациональной стихией иронии и гротеска, местами переходящих в словесный экстремизм. При этом с целью деморализации противника автор зачастую прибегает к технике *flame*, используемой в блогах с целью вовлечь оппонента в дискуссию, в ходе которой он подвергается вербальному бичеванию с использованием негативной экспрессивно-оценочной лексики, вульгаризмов, экзорцизмов. Если Гоголь просил прощения у своих собратьев-литераторов за каждое неосторожное слово, оброненное им в пылу полемики, «умышленно или неумышленно», то в рецензируемой книге обидные и оскорбительные определения в адрес идеологических оппонентов гроздьями свисают с литературной лозы. Невольно вспоминаются слова великого писателя, обращенные к Белинскому «Вы извиняете себя гневным расположением духа. Но как же в гневном расположении духа вы решаетесь говорить о таких важных предметах и не видите, что вас ослепляет гневный ум и отнимает спокойствие?». Православное слово в понимании Гоголя есть слово молитвенное: «Я же у Гроба Господнего буду молиться о всех моих соотечественниках, не исключая из них ни единого; моя молитва будет так же бессильна и черства, если святая небесная милость не превратит ее в то, чем должна быть наша молитва». Поэтому по духу и по тональности *Постсоветские мифологии* произведение не христианское и не православное в традиционном русском понимании этой духовной ориентации как апологии терпимости и ненасилия, чуждое тем ценностям которые так горячо отстаивает в своей книге автор.

В состав художественного замысла книги *Постсоветские мифологии*, как произведения, принадлежащего к жанру пророческой и эпистолярной литературы сатирической направленности, входят и агиографические элементы. Иван Есаулов как писатель, озабочен собственным имиджем. Для этого в текст книги введены биографические сведения, читательские комментарии и отклики на написанные им статьи и работы, в своей совокупности создающие образ человека, по своему происхождению призванному болеть душой за Россию и защищать ее интересы, а также образ историка и ученого филолога, на которого ссылаются авторитетные исследователи. В этом не следует видеть самовосхваления. Подобный литературный прием был известен со времен античности и Возрождения и широко использовался, к примеру, в романе *Дон Кихот*, или же в *Жизни протопопа Аввакума*, в которых, создавая образ автора как автобиографического героя, писатели выражали самооценку через реальных или вымышленных действующих лиц.

При всех своих противоречивых сторонах книга *Постсоветские мифологии* несомненно обратит на себя общее внимание, и займет свое место в истории русской литературы XXI века как новаторское произведение, в продолжение гоголевской традиции тяготеющее к синтезу художественного и научно-публицистического восприятия и воспроизведения действительности.